

В. И. Плоткин

ВЛИЯНИЕ ТОРГОВЛИ НА ЭТНИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ ПРЕДКОЛОНИАЛЬНОЙ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Характер этнических процессов в Восточной Африке предколониального периода в целом мало изучен.

Это, с одной стороны, объясняется недостатком материала, а с другой — обусловлено наследием школы Малиновского, которая по существу исключала историю из сферы интересов этнографа, ограничивая эту сферу изучением институтов отдельных обществ. В данной работе мы коснемся тех этнических процессов, которые так или иначе связаны с традиционной африканской торговлей и обусловлены ею. Правомерность такой постановки вопроса подтверждается прежде всего особенностями исторического развития народов Восточной Африки, в котором торговля сыграла значительную роль. Следует сказать, что влияние торговли на различные стороны жизни народов внутренней части Восточной Африки изучено пока гораздо слабее, чем ее значение для становления и развития культуры суахили.

Остановимся на характере и видах восточноафриканской торговли. Прежде всего это торговля теми товарами, которые вывозились за пределы материка — в Европу, Америку, Индию, Аравию и т. д. К их числу относились рабы, а также слоновая кость, малахит, копал, шкуры диких животных, черепаховые панцири. Товары доставляли на побережье по крупным торговым путям, которые получили особое развитие с 30-х годов XIX в. Принято считать, что это обусловлено прежде всего ростом спроса на слоновую кость в Европе и Америке¹. С этого времени до начала 80-х годов наблюдался почти непрерывный рост числа торговых караванов. Расширялся район, связанный прямыми торговыми путями с побережьем. К 40—50-м годам торговые караваны с побережья достигали Великих озер, затем граница зоны этой торговли была отодвинута дальше на запад и северо-запад — в Уруа, Маньема, Катангу и по течению Луалабы к верхним притокам Конго. Торговцы везли с побережья ткани, бусы, металлическую проволоку — традиционные предметы обмена.

Во внутренних районах была создана сеть опорных торговых пунктов, из которых особенно важными являлись Табора, Уджиджи, Мванза, Кондоа, Мпвава, Килоса.

Караванной торговлей занимались не только жители побережья, но и обитатели внутренних районов, где посредники обычно были из этнических групп ваньямвези, бавира, багуха, ваяо, бабиса и вабемба. Проникновение торговцев в заозерные районы было связано с уменьшением количества слоновой кости в старой торговой зоне и ростом цен вследствие хищнического истребления слонов². О размахе торговли во

¹ R. W. Beachey, *The East African ivory trade in the nineteenth century*, «The Journal of African History», 1967, vol. 8, № 2.

² J. H. Speke, *What led to the discovery of the source of the Nile*, London, 1864, p. 240—241.

и васукума, ваджага и вадафета⁷, галла и вапокомо⁸ и др. Крупные рынки располагались на территории ваньика, по берегам Луалабы, в Моэмбе на восточном берегу озера Ньяса, в Уджиджи на восточном берегу озера Танганьика, в Уруа, Ньянгле⁹ и т. д. Надо сказать, что на рынках даже племена, находившиеся в состоянии войны, вели себя мирно¹⁰. Современный исследователь А. Принс отмечает, что во многих районах рынок «...не принадлежал ни одной политической единице, но ... служил нейтральным местом встреч»¹¹. Д. Ливингстон называл их «важнейшим общественным институтом»¹².

Во внутренних районах Восточной Африки предколониального периода ускорилось изменение племенных границ и образование новых, часто более крупных этнических объединений на базе одного или нескольких племен. Среди факторов, способствовавших этому, следует назвать торговлю рабами, достигшую расцвета в 1850—1870 гг. Очень много рабов поступало на побережье из района озера Ньяса, который И. Крапф называл «штаб-квартирой восточноафриканского рабовладения»¹³.

Уже в 1847 г., по сведениям Крапфа, в Кильву было продано 7000 чел., а в последующие годы число продаваемых рабов быстро увеличивалось¹⁴.

Цены на рабов в этом районе были невысоки — один раб стоил от 2 до 4 ярдов ткани¹⁵. Главными агентами работорговцев здесь были ваяо, которые в обмен на рабов получали от торговцев огнестрельное оружие, что позволяло им вести успешные войны со своими соседями — ваньянджа. В погоне за рабами группы ваяо перебирались с восточного берега озера Ньяса на западный, где они иногда оседали¹⁶. В некоторых случаях ваньянджа сами продавали в рабство «своих собственных подданных»¹⁷ — преступников и обвиняемых в колдовстве¹⁸. Через район расселения ваяо у истоков Ровумы проходил путь доставки рабов на побережье из Катанги, от правителей Казембе и Касонго. В этих местах были сильные правители, которые, получая оружие от торговцев, также имели возможность захватывать рабов военным путем. Правитель Казембе в Конго не только продавал торговцам рабов, но и разыскивал беглых рабов за определенное вознаграждение¹⁹. Очевидно, целенаправленный захват рабов военным путем получил особое распространение лишь с 40-х годов XIX в., когда для этого появились необходимые условия. Главными из них являлись: 1) увеличившийся спрос на рабов на побережье; 2) укрепление позиций торговцев во внутренних районах; 3) распространение огнестрельного оружия (его получали старые торговые партнеры суахи-

⁷ О. Кёрстен, Путешествие барона Карла Клауса фон Декен по Восточной Африке, М., 1870, стр. 302.

⁸ J. Krapf, Reisen in Ostafrika, Berlin und Stuttgart, 1858, S. 268.

⁹ Там же, стр. 273; Д. Ливингстон, Последнее путешествие в Центральную Африку, М., 1968, стр. 69, 213, 306; V. L. Cameron, A walk across Africa, London, 1877, vol. 1, p. 244—245; vol. 2, p. 327.

¹⁰ Некоторые правила рыночной торговли описаны О. Кёрстеном (Указ. раб. стр. 333), И. Крапфом (J. Krapf, Указ. раб., стр. 273—274) и другими путешественниками.

¹¹ A. N. J. Prins, Указ. раб., стр. 110.

¹² Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 340.

¹³ J. Krapf, Указ. раб., стр. 438.

¹⁴ В 60-е годы только через Занзибар из района Ньясы проходило не менее 19 тыс. рабов в год, а их вывозили еще через Кильву и порты португальских колоний (см. Ч. и Д. Ливингстон, Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 гг., М., 1958, стр. 260).

¹⁵ Там же, стр. 81, 328, 353.

¹⁶ Именно этим объясняются вкрапления ваяо среди ваньянджа, зафиксированные на современной этнической карте.

¹⁷ Ч. и Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 80—81.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 312.

ли²⁰ и крупные правители, лояльные к торговцам). К такому выводу приводят сообщения европейских путешественников и миссионеров, относящиеся к 40—70-м годам XIX в.

Второй и, возможно, более важный путь доставки рабов шел на побережье из Уньямвези через Табору. К ваньямвези рабы поступали в основном из Межозерья, особенно из Буганды и Буньоро. У суахили рабов часто называли по районам, откуда они были доставлены — «ваньямвези», или «ваяо», хотя эти названия, как правило, не имеют ничего общего с настоящей этнической принадлежностью рабов²¹. Оседая на побережье, рабы довольно быстро смешивались с суахили, и часть их по обычному праву в третьем или четвертом поколении становилась свободной.

Свободными были также дети от смешанных браков свободнорожденных и рабынь²². Рабы как часть социальной структуры были характерны только для городов суахилийского побережья, где они имелись, возможно, уже к VIII в.²³

Приток рабов в города на побережье был важным фактором образования там смешанного населения, утратившего племенное деление. В XIX в. рабовладение на побережье в целом носило патриархальный характер, рабов считали «в некоторой степени членами семейства»²⁴. Плохое обращение с рабом было скорее исключением, чем правилом²⁵.

Чтобы представить себе возможности применения рабского труда на побережье, следует хотя бы вкратце охарактеризовать местную экономику. Традиционная суахилийская экономика издавна включала два хозяйственных комплекса — земледельческий и морской (рыболовство, промыслы, морская торговля)²⁶. Земледелие, связанное с культурой кокосовой пальмы, со злаками и корнеплодами (просо, сорго, батат, маниока), удовлетворяло лишь собственные потребности населения в этих продуктах²⁷. Работа на плантациях кокосовых пальм состояла главным образом в посадке и уходе за молодыми пальмами. После этого на шамбе (поле, плантация — на суахили) уже не нужно много работников²⁸. Следовательно, рабский труд здесь не очень выгоден. Новая для Восточной Африки культура — гвоздика, завезенная в первой половине XIX в. — возделывалась тоже почти без применения рабского труда, а для сбора урожая использовали наемных рабочих. Что же касается рыболовства и морских промыслов, то это древние и сложные занятия, требовавшие квалификации и заинтересованности работника. Если добавить к этому их малую продуктивность, становится ясной неэффективность применения в них рабского труда²⁹.

Достаточно эффективно рабский труд мог быть использован лишь в караванной торговле. В Восточной Африке, где грузы на большое расстояние мог доставлять только человек, рабов издавна использовали в качестве носильщиков. Вьючные животные обычно гибли от трудностей пути и укусов мухи цеце, в чем убедились на опыте многие европейцы.

²⁰ В. Л. Камерон, например, сообщал о торговцах, направляющихся к Ньянве, которые использовали ваньямвези, снабжая их оружием для добычи рабов (V. L. Cameron, Указ. раб., т. I, стр. 373).

²¹ Подобное изменение значения этнонимов известно в Буганде, Эфиопии и других районах Африки.

²² C. Velten, Sitten und Gebräuche der Suaheli, «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen», Berlin, 1898.

²³ О вывозе рабов из Восточной Африки сообщали многие арабские авторы, обозначающие население этой части континента словом «аз-зиндж».

²⁴ О. Кёрстен, Указ. раб., стр. 90.

²⁵ J. Graf, Указ. раб., стр. 426.

²⁶ Скотоводство в силу природных условий большой роли не играло.

²⁷ О традиционных занятиях населения побережья см. подробнее: В. М. Мисюгин, Основные черты этнической истории суахили, Канд. дис., Л., 1966, стр. 475—477.

²⁸ C. H. Stigand, The land of Zinj, London, 1913, p. 109.

²⁹ К этому выводу пришел В. М. Мисюгин, анализируя формы применения рабского труда на побережье (В. М. Мисюгин, Указ. раб., стр. 477).

Рост количества торговых караванов уже в первой половине XIX в. потребовал увеличения числа носильщиков. Использование рабов в этом качестве было выгодным и по той причине, что по возвращении на побережье торговцы могли продать рабов в большом количестве португальским и французским торговцам — в частности, на острова Мадагаскар и Бурбон (Реюньон).

В хозяйстве внутренних районов Восточной Африки, основанном на сезонном подсеčno-огневом земледелии, частично на отгонном скотоводстве, охоте и рыболовстве, не было экономической необходимости в применении труда рабов. Однако там существовали различные формы личной зависимости, которые первые европейские путешественники называли обычно рабством³⁰. Характер форм зависимости был, по-видимому, связан с системой возрастных классов, которая оказывала влияние на социальную организацию многих племен Восточной Африки. К началу нашего века эта система сохранилась почти исключительно в виде пережитков и зафиксирована очень неполно.

Системе возрастных классов посвящен ряд работ³¹. Эта непривычная для европейца система ускользнула от внимания ранних путешественников, и нет ничего удивительного в том, что их записи не содержат почти никаких сведений о ней. Даже И. Краф, прекрасный знаток группы племен ваньика, лишь мимоходом сообщал о нескольких их подразделениях, различавшихся по возрасту. Более поздние исследования, однако, зафиксировали существование возрастных групп или их пережитков у всех десяти племен группы ваньика³².

Заслуживают внимания и различные косвенные упоминания о системе возрастных классов. Например, следующее сообщение Д. Ливингстона: «Сыновья свободных мужчин поступают к какому-либо вождю в возрасте 12—15 лет. Они не покидают своего вождя и не женятся до тех пор, пока другие юноши не будут готовы занять их место»³³. Несомненно, автор зафиксировал воспитание возрастной группы юношей и, возможно, их подготовку к обряду инициации.

К середине XIX в. система возрастных классов, присущая еще родовому обществу³⁴, интенсивно разрушалась, прежде всего вследствие проникновения во внутренние районы торговых караванов с побережья. Торговля обогащала племенную верхушку, способствуя превращению ее временного авторитета в пожизненную и наследственную власть. Этот процесс был очень сложным и проходил весьма неравномерно в разных частях Восточной Африки, но наиболее интенсивно — в районах, имевших длительные и развитые торговые связи с побережьем (районы Таборы, Казембе, Ньянгве). При разрушении системы возрастных классов возникала возможность вначале несколько продлить временное подчинение группы молодежи, а впоследствии превратить это подчинение в более длительное и, возможно, даже в постоянное.

Представление о временном характере подчинения долго существовало даже у некоторых прибрежных племен, раньше других утративших

³⁰ «Рабами» на побережье называли различные категории личностнозависимых, существовавшие во внутренних районах. Так, крупный суахильский работорговец Мухамед бин Джума эль Мурджеби, известный под именем Типпу Тип, называл жену своего деда рабыней («*mjakazi*» — суахили), хотя она принадлежала к правящему роду в Уруа. См.: W. H. Whiteley, *Maisha ya Hamed bin Muhammed el Murjebi yaani Tippu Tip*, «*Supplement to the JEASC*», 1958, № 97.

³¹ См., например: К. П. Калиновская, К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии, «Сов. этнография», 1969, № 4; ее же. К вопросу о соотношении функций и структуры системы возрастных групп у галла Эфиопии, Там же, 1972, № 4.

³² См., например, А. Н. J. P r i n s, Указ. раб., стр. 25.

³³ D. Livingston, *Erforschungsreisen im Inneren Africas*, Leipzig, 1860, S. 308.

³⁴ См.: Д. А. Ольдерогге, Население и социальный строй Эфиопии, Сб. «Абиссиния», М.—Л., 1936, стр. 117.

систему возрастных классов. И. Крапф сообщал о племени вадурума, которое во время большого неурожая в 1835 г. отдало своих детей народу суахили на побережье, получив взамен зерно. Затем вадурума потребовали детей обратно за выкуп, но суахили отказались их вернуть, что послужило началом многолетней вражды³⁵. Здесь зафиксировано соприкосновение двух различных традиций обычного права: вадурума отдавали детей, исходя из собственных правовых норм, согласно которым использование труда определенной возрастной группы носило еще временный характер. Правовые же нормы суахили рассматривали эксплуатацию как постоянную, так как на побережье существовал институт рабствования.

Влиятельные правители во внутренних районах имели возможность ломать некоторые традиционные порядки и продавать на побережье лиц, лично зависимых от них, в основном молодежь³⁶. Немалую часть рабов, поступавших на побережье, составляли юноши и дети — факт, ускользнувший от внимания многих исследователей. Сведения об этом у путешественников изложены обычно невнятно или чересчур обобщенно. Вот характерный пример из книги О. Кёрстена: «Приходя сюда в ранней юности, они (рабы. — В. П.) скоро теряют последние воспоминания о родных и родине»³⁷. Так же вскольз касаются этого и другие авторы, хотя у них встречаются сведения о продаже в рабство детей³⁸. Очевидно, юный возраст доставляемых на побережье рабов также способствовал их сравнительно быстрой ассимиляции.

Правителю, стремившемуся изменить традиционные формы управления обществом, требовалась группа, на которую он мог бы опереться в борьбе³⁹. Большую часть этой группы составляли, видимо, классификационные племянники, отданные правителю на воспитание. Сюда же входили и другие категории личностнозависимых⁴⁰ (у меня нет возможности рассказать об этом подробнее в рамках данной статьи). В целом широкая шкала форм личной зависимости (которые отнюдь не считались унижительными) создавала очень сложную картину общества и порождала такое специфическое явление, как «добровольное рабство». «Добровольными рабами» считались лица, сами продавшие себя в рабство и имевшие возможность позже откупиться от своего хозяина. Д. Ливингстон сообщал об одном из них, получившем за себя три отреза ткани: «... он был совершенно уверен, что совершил выгодную сделку, продав себя, так как, если бы ему случилось заболеть, его хозяин должен был бы его содержать»⁴¹. Л. Мэйр называет таких «добровольных рабов» клиентами (clients) и связывает развитие этого института с усилением власти правителей⁴². Эта исследовательница приводит многочисленные примеры таких отношений и анализирует их специфику в Буганде, Анголе, Руанде, Буньоро, у нилотов (шиллук). Крупные правители в Восточной Африке часто использовали группу зависимых от них лиц в качестве воинов и носильщиков в торговых караванах. В предколониальный пе-

³⁵ J. Krapf, Указ. раб., стр. 358.

³⁶ Молодежь, естественно, имела меньше социальных прав, чем взрослые мужчины.

³⁷ О. Кёрстен, Указ. раб., стр. 90.

³⁸ J. Krapf, Указ. раб., стр. 208.

³⁹ Этот же вывод делает Л. Мэйр на материале Межозерья (L. Maig, *Anthropology and social change*, N. Y., 1969, p. 184).

⁴⁰ Нередко все члены этой группы назывались одним термином, степень их родства с правителем уже роли не играла. В современной литературе этот термин переводят обычно словом «раб», следуя традиции еще прошлого века (см.: A. Gottberg, *On the historical importance of the crisis of the Fundikira empire*, «African Studies», Leipzig, 1967, p. 79).

⁴¹ Ч. и Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 30. Этот институт, широко распространенный в Восточной Африке, а частично в Южной и Центральной Африке, не следует смешивать с наследственным, патриархальным рабствованием на побережье.

⁴² L. Maig, Указ. раб., стр. 173.

риод такая группа состояла из лиц различной этнической принадлежности. Так, претенденты на титул правителя в 60-х годах XIX в. в районе Таборы (Уньямвези) опирались не только на воинов ваньямвези, но и на гаррори и васукума⁴³. Они уже силой вербовали себе сторонников, угрожая захватить урожай и наказать старейшин в случае неповиновения⁴⁴. Правители опирались на группу личнoзависимых и при захвате рабов. Из этой же группы правитель мог продавать негодных ему людей торговцам⁴⁵. Не случайно большая масса рабов доставлялась на побережье из Межозерья, где институт личнoзависимых был особенно распространен. От статуса личнoзависимого до положения раба оставался только один шаг, и этим шагом была продажа в рабство. О том, что только проданный становился рабом, говорит и правовая традиция суахили, записанная К. Фельтеном в конце прошлого века⁴⁶.

Особенно выгодным было положение правителей ваньямвези, так как через этот район шел главный путь вывоза слоновой кости, а также рабов из Межозерья. Именно здесь во второй половине XIX в. выделились сильные правители — Фунди Кира, Мньва Сере, Мкасива, Мсири, Мирамбо, являвшиеся одновременно и крупными торговцами. Интересно отметить, что Мсири, захвативший часть Катанги в 1856 г., приказал всем новым «подданным» принять племенные знаки ваньямвези⁴⁷. Так поступали и другие правители, в результате чего менялись этнические границы⁴⁸. Торговцы с побережья, оседавшие в глубине материка, тоже создавали группы личнoзависимых, среди которых были и рабы, доставленные с побережья. Эти люди были носильщиками, воинами, они же работали на полях. Таким образом, крупные торговые поселения во внутренних районах, позднее превратившиеся в города Табора, Уджиджи, Ньянгве, имели смешанное население, большую часть которого составляли рабы и личнoзависимые. Менее крупные пункты иногда также имели смешанный состав населения (Касонго)⁴⁹. Рабы как на побережье, так и во внутренних районах обычно имели возможность выкупить себе свободу или, в случае плохого обращения, бежать от своего хозяина и найти нового⁵⁰. В отдельных случаях беглые рабы примыкали к какой-либо этнической группе, становясь ее «сыновьями», т. е. членами племени⁵¹.

Еще одним следствием торговли рабами было то, что отдельные племена или их части, чтобы избежать продажи в рабство переселялись. Так, группы ваньянджа переселились к озеру Маломбе, куда в 60-х годах XIX в. еще не проникали военные экспедиции ваяо⁵².

Разбогатея на торговле, отдельные посредники получали возможность взять три-четыре и более жены. Такая форма брака, издавна известная в Восточной Африке, получила распространение с развитием торговли и усилением имущественной дифференциации. Количество жен за-

⁴³ J. H. Speke, The journal of the discovery of the source of the Nile, London, 1863, p. 77.

⁴⁴ Там же, стр. 99.

⁴⁵ Члены этой группы в отдельных случаях могли менять своего патрона. Если же он хотел их вернуть, то должен был платить их новому хозяину выкуп (V. L. Cameron, Указ. раб., т. 1, стр. 79).

⁴⁶ C. Velten, Указ. раб., Nabari za watumwa.

⁴⁷ V. L. Cameron, Указ. раб., т. 2, стр. 208.

⁴⁸ См. L. Mair, Указ. раб., стр. 176. Типпу Тип называет подданных одного из правителей «люди Мронго Тамбве» (Wa Mrongo Tambwe). Мронго Тамбве — имя правителя (W. H. Whitley, Указ. раб., № 76).

⁴⁹ При покупке у рабов выясняли, владеют ли они огнестрельным оружием. Они были основной ударной силой каравана, так как наемным носильщикам оружие не доверяли (V. L. Cameron, Указ. раб., т. 1, стр. 164). На роль рабов в войнах обращает внимание и Л. Мэйр (L. Mair, Указ. раб., стр. 175, 178).

⁵⁰ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 362.

⁵¹ Это зафиксировано и в обычном праве суахили (C. Velten, Указ. раб., стр. 37).

⁵² J. Krapf, Указ., раб., стр. 425.

висело от богатства человека и его рода, так как за каждую жену он платил значительный выкуп скотом, мотыгами, бусами и т. д. Разбогатеи, ваньика по словам И. Крапфа, стремились приобрести как можно больше жен⁵³. Например, кимвери (правитель вшамбала), в 40—60 гг. XIX в. имел более 300 жен. Большое число жен не только поднимало социальный престиж их обладателя, но и помогало им устанавливать связи с различными племенами. Эти связи давали возможность беспрепятственно проходить по территориям этих племен, покупать у них продукты питания, что имело большое значение для торговца. Кроме того, таким образом увеличивалось число классификационных родственников, которых можно было использовать в торговле и на войне (торговые караваны часто возглавляли правители или их наследники). Наконец, каждая жена обычно обрабатывала свой земельный надел, долю урожая с которого получал муж. Очевидно, многоженство в таких масштабах являлось узурпацией прав других мужчин, часть молодежи оказывалась «обделенной» и вынуждена была искать жен иногда довольно далеко от своего племени. Так, в первой четверти XIX в. группа юношей вакамба переселилась из Китуи (в современной юго-восточной Кении) в Укагуру (в современной Танзании), где они взяли жен из племен кагуру и нгуу⁵⁴. Брачные связи торговцев с правящими родами племен внутренних районов закрепляли торговых контактов. Типичным примером этого является семья известного суахильского торговца Типпу Типа. Его дед был женат на женщине, принадлежавшей к правящему роду в Уруа⁵⁵. В прошлом веке этот район был одним из наиболее развитых в торговом отношении. Там шла крупная торговля железом, слоновой костью, солью, рыбой. Брак позволил деду Типпу Типа пользоваться привилегиями в торговле. Отец Типпу Типа, также крупный торговец, был женат на дочери правителя Таборы⁵⁶. Сам Типпу Тип имел жен из различных районов Восточной Африки. Одна из них была дочерью правителя Мереси в Катанге, откуда Типпу Тип доставлял на побережье золото⁵⁷.

В. Л. Камерон сообщал о браке Мвенье Хери, суахильского торговца, и дочери правителя в Уджиджи (важный торговый пункт)⁵⁸. «Подобные браки — это один из способов, которыми арабы расширяют свое влияние», — справедливо замечал Д. Ливингстон⁵⁹. Женитьба на дочери правителя могла явиться даже способом прекращения военных действий.

Давнюю историю имеют также родственные связи населения суахильских городов и прилегающих к побережью районов. Многие шейхи Момбасы, например, были по происхождению ваньика. Эти шейхи выступали посредниками в торговле между ваньика и момбасскими суахили, только они могли дать разрешение на проход по территории ваньика. Традиционные торговые связи были закреплены обычаем, по которому правители ваньика получали 150 кусков ткани в год от династии Мазруи в Момбасе⁶⁰. Ваньика продавали в Момбасе рабов, копал, древесину, они же были посредниками в торговле суахили с галла. Тесные связи Мазруи с ваньика проявились и в том, что Салим — последний представитель династии — одновременно был одним из правителей племени вагирьяма, входившего в группу ваньика. К середине XIX в. у побережья

⁵³ Там же, стр. 249.

⁵⁴ T. O. Beidelman, Some notes on the Kamba in Kilosa District, «Tanganyika Notes and Records», 1961, № 57.

⁵⁵ W. H. Whiteley, Указ. раб., № 97.

⁵⁶ Там же, № 2.

⁵⁷ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 397.

⁵⁸ V. L. Satheron, Указ. раб., т. 1, стр. 243.

⁵⁹ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 31 (арабами он называл всех торговцев с побережья).

⁶⁰ J. K. A. F., Указ. раб., стр. 208.

существовали уже деревни, где жили и ваньяка и суахили⁶¹. Следует заметить, что пестрота этнического состава населения в торговых районах и центрах как у побережья, так и в более западных областях Восточной Африки создавала предпосылки для распространения языка суахили, который быстро становился языком всех торговцев. Во второй половине XIX в. северные диалекты суахили были понятны уже в Руанде, Урунди, Уганде, Восточном Конго и т. д.⁶²

Учет влияния торговли на этнические процессы помогает в отдельных случаях глубже понять их характер. Так, формирование одной из крупнейших этнических групп современной Танзании, ваньямвези, связано прежде всего с караванной торговлей. Термином ваньямвези, по-видимому, когда-то на побережье обозначали население большого района, с которым у суахили были древние торговые связи⁶³. Население этого района никогда не было этнически однородным, здесь жили различные, хотя и близкие друг другу, племена. Возникновение крупных торговых пунктов в Таборе и Уджиджи создало центры этнической консолидации. Этому же способствовало появление сильных правителей, объединявших под своей властью значительные территории. Величина этих территорий определялась в немалой степени размахом торговых операций и расположением торговых путей.

Район Уньямвези постепенно превращался в зону, которую можно назвать этноторговой, не имевшую, однако, четких границ. До сих пор ваньямвези нельзя назвать этнически едиными — границы между ними, васукума, васумбва и другими группами расплывчаты.

Другим центром этнической консолидации был в XIX в. район Килиманджаро, который О. Кёрстен называл «центром и исходным пунктом для восточноафриканской торговли»⁶⁴. Это тоже был крупный этноторговый район, имевший, видимо, старинные связи с побережьем. Здесь жили люди из племен вапаре, ватента, вакамба, вакикуйю, васамбаа и др. Здесь также существовали довольно влиятельные правители, державшие в своих руках торговлю⁶⁵.

Итак, торговля племен внутренних частей Восточной Африки с населением побережья способствовала различным формам ассимиляции и приводила к образованию более крупных этнических общностей на базе одного или нескольких племен. Среди связанных с торговлей факторов большую роль в этнических процессах сыграли: 1) работорговля и ее последствия; 2) появление сильных правителей, объединявших под своей властью представителей различных этнических групп; 3) образование этноторговых районов; 4) кровнородственные связи торгового населения суахилийских городов и населения внутренних районов Восточной Африки; 5) рост торговых центров со смешанным населением; 6) распространение суахили как языка торговли.

Этнические процессы в Восточной Африке предколониального периода были тесно связаны с изменениями в структуре общества, прежде всего с разрушением традиционных форм социальной организации и заменой их нарождающейся новой социальной структурой с властью крупных правителей. Возникавшие в этих условиях новые этнические образования сохраняли племенную организацию и поэтому могут быть названы вторичными племенами.

Быстрое распространение языка суахили приводило к устойчивому двуязычию отдельных этнических групп, т. е. являлось начальным эта-

⁶¹ J. K a r f, Указ. раб., стр. 245.

⁶² Подробнее об этом см.: В. М. М и с ю г и н, О происхождении и распространении языка суахили, «Африканский этнографический сборник», 3, М.—Л., 1959, стр. 36—47.

⁶³ О торговле с этим районом сообщал уже О. Даппер (O. D a r p e r, Beschreibung von Afrika, Amsterdam, 1671, S. 634).

⁶⁴ О. Кёрстен, Указ. раб., стр. 302.

⁶⁵ Там же, стр. 302.

пом языковой ассимиляции. Этот факт свидетельствует о тенденции к образованию более крупных этнических общностей, хотя интенсивность процесса этнической консолидации в целом была недостаточной для создания общностей более высокого уровня, чем племя или группа племен.

Одним из заметных результатов этнических процессов, обусловленных торговлей, явилось также постепенное стирание внешних различий между отдельными племенами в одежде, украшениях, татуировке и т. д. Границы возникавших в этот период вторичных племен были искусственно закреплены позднее, уже колониальной администрацией.

Анализ некоторых этнических процессов предколониального периода помогает яснее понять их динамику и в более позднее время. Без этого невозможна серьезная оценка тех явлений, которые происходят в странах современной Восточной Африки.

THE ROLE OF TRADE IN THE ETHNIC HISTORY OF PRE-COLONIAL EAST AFRICA

The impact of trade over long distances on the ethnic history of pre-colonial East Africa had been considerable. The problem under discussion is — what role it played in ethnic processes and social change in the inner and coastal parts of East Africa. In the period from 1840 to 1884 the ethnic picture there underwent a great change, which can be characterized as the formation of new ethnic groups, among them tribes and groups of tribes. In many cases the borders of such groups (e. g. Wanyamwezi) depended primarily upon the scale of trade with the coast and the situation of main trade routes. The main factors influencing ethnic processes were the slave trade, the growth of trade centres with a very mixed population, the propagation of the Swahili language etc. Trade over long distances changed the social structure of the tribes inhabiting East Africa, bringing wealth to the chiefs. It also helps to explain the great cultural similarities between different peoples there.
